

XXV///, 22

О ЗНАЧЕНИИ РИМСКОЙ ИСТОРИИ ВО ВСЕМИРНОЙ.

Вступительная лекція проф. Н. Бубнова, читанная въ Университетѣ Св. Владиміра, 11 сентября 1891 г.

Мм. Гг.

Одна изъ величайшихъ и плодотворнѣйшихъ идей, когда либо всплывавшихъ на поверхность человѣческаго сознанія, есть несомнѣнно идея единства человѣчества, единства, понимаемого въ смыслѣ признанія за всѣми людьми, безъ различія языка, національности, вѣры и расы, одинаковыхъ человѣческихъ правъ и общей цѣли существованія. Въ умѣ современнаго образованнаго человѣка идея эта возстаетъ со всей непреоборимостью логической очевидности и, кажется, родилась съ первымъ проблескомъ человѣческой мысли. Несомнѣнно тѣмъ не менѣе, что она не всегда освѣщала человѣческое сознаніе и что, вспыхнувъ, наконецъ, яркимъ пламенемъ, она лишь съ трудомъ расширяла сферу своего свѣта въ ущербъ окружающей тѣмѣ, которую и до сихъ поръ далеко не разсвѣяла.

Дѣло въ томъ, что и самыя ясныя идеи вырабатываются не исключительно логическимъ путемъ и что для воспріятія ихъ необходимо извѣстное предуготовленіе. Онѣ являются иногда результатомъ долгаго и болѣзненнаго процесса историческаго развитія, получая себѣ оправданіе со стороны чисто отвлеченнаго мышленія лишь заднимъ числомъ и требуя для своего распространенія соотвѣтствующей среды, подготовленной тѣмъ же процессомъ.

Если съ этой точки зрѣнія мы станемъ разсматривать сложный и многовѣковой процессъ всемирной исторіи, мы увидимъ, что онъ одновременно и мѣшалъ, и способствовалъ зарожденію идеи единого, призваннаго къ общей работѣ и цѣли человѣчества. Процессъ этотъ

можетъ быть изображенъ графически, какъ равнодѣйствующая многихъ переменныхъ и дѣйствующихъ по измѣняющимся направленіямъ силъ, среди которыхъ съ особенной энергіей работаютъ двѣ великія силы—центробѣжная и центостремительная.

Результаты работы центробѣжной силы на лицо. Оставляя въ сторонѣ трудный вопросъ о происхожденіи расъ и ограничивая наши наблюденія сферой распространенія одной какой нибудь расы, или даже подраздѣленія одной расы, напримѣръ, арійскаго подраздѣленія бѣлой расы, мы видимъ, что изъ одного арійскаго племени путемъ постепеннаго развитія образовалось нѣсколько племенъ, говорящихъ мало схожими языками, разнящихся между собою своими типами, характерами, воззрѣніями, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ цивилизаціи. Мало того, каждое изъ племенъ стало дробиться на болѣе мелкія дѣленія, языки на нарѣчія, и дѣло дошло до той степени дробленія и разрозненности, на которой мы застаемъ, напримѣръ, греко-италійское, германское и славянское племена въ началѣ ихъ исторіи. Въ то время померкло сознаніе племеннаго единства даже у тѣхъ народовъ, которые находились между собой въ ближайшей степени родства. Мелкіе германскіе народцы ведутъ между собою кровопролитныя войны, и прошло не мало времени до тѣхъ поръ, пока римскій мечъ помогъ имъ различить другъ въ другѣ братьевъ. Такое дробленіе и обособленіе, отнимавшее у людей способность признавать своихъ ближайшихъ родичей, не могло способствовать зароженію идеи единства и солидарности всего человѣчества.

Но интенсивность центробѣжной силы не всегда одинакова. Временами она уступаетъ мѣсто своей антагонистѣ, которая стремится уничтожить результаты ея дѣятельности и не совѣмъ безуспѣшно. Это она соединяетъ въ грекоиталійскомъ племени роды въ куріи, куріи въ трибы, трибы въ государство гражданскую общину, государство гражданскую общину обращаетъ въ государство націю и силится создать изъ этой послѣдней всесвѣтное государство,—космополитію. Она же образуетъ въ германскомъ мірѣ марки, сотни, „gau“ и государство націю. Всемирная исторія полна результатами дѣятельности этой великой силы, которая есть въ сущности стихійная идея единства человѣчества, непрестанно стремящаяся найти себѣ осуществленіе въ реальномъ мірѣ и ясную формулировку въ мірѣ идей. Ея стремленія осуществиться конкретно остались безуспѣшными, но ре-

результатомъ этого стремленія было то, что она нашла себѣ формулировку въ мірѣ идей и въ такомъ видѣ стала великой нравственной силой, которая уже сдѣлала гораздо большія завоеванія, чѣмъ самое могущественное изъ завоевательныхъ государствъ, и позволяетъ предвидѣть возможность нравственнаго объединенія человѣчества, не связаннаго съ уничтоженіемъ политической, національной, религіозной и правовой обособленности народовъ. Убѣжденіе, что только нравственное объединеніе человѣчества и есть единственное возможное и что оно совсѣмъ не должно сопровождаться поглощеніемъ одного государства другимъ, уничтоженіемъ одной національности другою, является однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ результатовъ многовѣковаго опыта, показавшаго бесплодность всѣхъ другихъ попытокъ въ этомъ направленіи. Всемирная исторія представляетъ собой рядъ такихъ попытокъ.

Древній востокъ не зналъ продолжительнаго равновѣсія ни внутри государствъ, ни въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Массивныя деспотіи быстро смѣняють тамъ одна другую. Стихійная сила толкаетъ ихъ на путь внѣшнихъ завоеваній для того, чтобы этимъ путемъ установить между народами ту примитивную форму единенія, которая состоитъ въ рабскомъ подчиненіи одного народа другому или въ общемъ рабствѣ нѣсколькихъ народовъ. Но всѣ эти деспотіи выросли слишкомъ быстро, отдѣльныя ихъ части были связаны между собой слишкомъ слабо, самый принципъ ихъ цѣлости былъ слишкомъ случайнымъ для того, чтобы они могли развить внутри себя болѣе прочную и болѣе совершенную форму единенія. Если рядъ народныхъ бурь, свирѣпствовавшихъ на востокѣ, и не остался безъ результатовъ для развитія человѣчества, то все же результаты эти были пріобрѣтены черезчуръ дорого.

Персидская монархія, поглотившая почти весь историческій востокъ, перешагнула естественную границу, отдѣлявшую ее отъ запада. Западу угрожала опасность быть вовлеченнымъ въ круговоротъ событій, потрясавшихъ востокъ. Въ лицѣ грековъ западъ отразилъ персидское нашествіе, но опасности, которая ему угрожала, онъ все же не избѣгъ. Послѣ цѣлаго ряда столкновеній съ персами, греки, объединенные подъ эгидой македонскихъ царей, сами вступили на путь внѣшнихъ завоеваній, примкнувъ къ движенію, приведшему персовъ въ Грецію. Въ необычайно короткое время на развалинахъ персидской возникла македонская монархія, которая тоже не знала другаго

отношенія къ сосѣдямъ кромѣ ихъ подчиненія и своимъ естественнымъ предѣломъ признавала всю землю. Позднѣйшіе греки любили объяснять міровое господство Рима тѣмъ случайнымъ обстоятельствомъ, что Александръ Великій умеръ слишкомъ рано и не успѣлъ обратить своей побѣдоносной фаланги на западъ, чтобы помѣяться силами съ римлянами. Какъ бы то ни было, новая монархія вскорѣ распалась, но, несмотря на всю свою эфемерность, она, въ противоположность своимъ предшественницамъ, оставила глубокіе слѣды своего существованія. Цѣли своей она не достигла,—политическое объединеніе человѣчества не удалось, но начало нравственнаго единенія разноплеменныхъ народовъ было положено распространеніемъ греческой культуры и языка на всемъ востокѣ Средиземнаго моря. Способность къ прочной политической организаціи не находилось въ числѣ разностороннихъ дарованій греческаго народа и на этомъ поприщѣ онъ долженъ былъ уступить первенство своимъ западнымъ сосѣдямъ, римлянамъ, народу организатору по преимуществу.

Задачу, оказавшуюся не по силамъ грекамъ, взялъ на себя спустя нѣкоторое время римскій народъ. Тоже въ сравнительно короткое время весь расширенный завоеваніями Александра Великаго греческій міръ вошелъ въ составъ римскаго государства, которое уже было господиномъ всѣхъ странъ, окружающихъ западную часть Средиземнаго моря. Такимъ образомъ, Средиземное море сдѣлалось римскимъ озеромъ, на берегахъ котораго разноплеменные и наиболѣе культурные народы древности, до тѣхъ поръ безпрестанно между собой враждовавшіе, были объединены подъ крылами римскаго орла. Эта новая попытка объединенія, какъ своей долговѣчностью, такъ и своими результатами, превзошла всѣ предыдущія. Въ римскомъ мірѣ народы были связаны между собой не только силой оружія, какъ это было въ восточныхъ деспотіяхъ, и не только одной культурой, какъ это было въ греческомъ мірѣ по смерти Александра. Покоренные силою римскаго меча и мудрой внѣшней политикой римскаго сената, народы были крѣпко сплочены между собою организаторскимъ геніемъ римскаго народа, его несравненнымъ правомъ, пережившимъ своего творца, и греческой культурой. Побѣдители грековъ, давшіе имъ свое право, были въ свою очередь побѣждены греческой культурой, и, если политико-юридическое движеніе распространялось съ запада на востокъ, то культурное завоеваніе подвигалось въ напра-

вленія обратномъ. Изъ сліянія этихъ двухъ міровъ, греческаго и римскаго, образовалась культура, подобной которой еще не появлялось до тѣхъ поръ на землѣ. Она то и была тѣмъ мощнымъ принципомъ единенія, при помощи котораго были разрушены перегородки отдѣлявшія до тѣхъ поръ другъ отъ друга даже наиболѣе цивилизованные народы древности, и расчищена почва для появленія и успѣшнаго распространенія болѣе возвышенныхъ взглядовъ на чело-вѣчество, чѣмъ какіе были поплечу людямъ доримской эпохи. Здѣсь, въ предѣлахъ римской имперіи явилось христіанство, которое смѣло провозгласило ученье о всеобщемъ братствѣ и равенствѣ всѣхъ людей. Къ такимъ же взглядамъ на чело-вѣчество уже стали приходить и нѣкоторые изъ языческихъ философовъ того времени, но христіанство опередило ихъ въ томъ смыслѣ, что отвело этимъ взглядамъ въ своемъ ученіи болѣе видное мѣсто и облекло ихъ въ форму, доступную не однимъ лишь философамъ. Имперія не признала сначала этого явленія и вступила съ нимъ въ борьбу, но была побѣждена, такъ какъ сама заключала въ себѣ всѣ условія для торжества новаго ученія. Но имперія не могла или, можетъ быть, не успѣла устроить чело-вѣческія отношенія сообразно тому, какъ это требовалось новымъ взглядомъ на чело-вѣчество. Чело-вѣческая мысль, иногда лишь съ трудомъ возбуждаемая ходомъ историческаго процесса, способна за то въ своемъ быстромъ полетѣ опережать событія. Новое ученіе требовало братскихъ отношеній не только между свободными людьми различныхъ народовъ и государствъ, но и между господиномъ и рабомъ, другими словами, оно имѣло въ виду полную отмѣну рабства. Римская имперія путемъ распространенія правъ римскаго гражданства уже осуществила на практикѣ равенство между свободными людьми различныхъ національностей, но уничтожить рабство она не смогла, или не успѣла. Эту вторую половину задачи она оставила новымъ народамъ. Въ этомъ и заключается въ полномъ смыслѣ слова міровое значеніе римскаго государства, а слѣдовательно и римской исторіи, такъ какъ вліяніе мягкихъ, чело-вѣчныхъ принциповъ, выработанныхъ впервые въ предѣлахъ римскаго государства, испытываютъ на себѣ уже и тѣ народы, которыхъ еще не коснулась европейская цивилизація, представляющая изъ себя не что иное, какъ умноженное наслѣдіе античнаго міра.

Подобно восточнымъ деспотіямъ и македонскому государству,

римская имперія стремилась къ владычеству надъ всѣмъ „orbis terrarum“, надъ всѣмъ „кругомъ земель“. Римляне считали себя призванными управлять міромъ. Но задача объединить политически весь міръ оказалась и имъ не подъ силу. Имперія нашла себѣ, наконецъ, предѣлы, далѣе которыхъ римскому оружію уже не удалось ее расширить. Пришло и такое время, когда защита давнишнихъ границъ имперіи оказалась невозможной, а вмѣстѣ съ тѣмъ начался всеобщій упадокъ, окончившійся ея распаденіемъ. Но и это не отодвинуло въ область невозможнаго римскіе политическіе идеалы. Они такъ близко сроднились съ античной культурой и даже съ христіанствомъ, что со всѣмъ этимъ богатымъ наслѣдіемъ имперіи перешли къ народамъ, занявшимъ ея мѣсто. Христіанство, будучи по самой своей сущности религіей міровой, даже придавало этимъ идеаламъ большую жизненность, что и выразилось въ стремленіи распространять христіанство посредствомъ меча, въ противность ученію его Основателя, провозгласившаго, что царство Его не отъ міра сего. Однимъ словомъ, одна изъ основныхъ идей новаго ученія, возникшаго на греко-римской почвѣ, а именно, что политическое объединеніе человѣчества не есть необходимое условіе его нравственнаго объединенія, не была понята и не могла получить себѣ права гражданства въ римской имперіи, которая сама была не что иное, какъ реализація противоположнаго принципа. Проведеніе этой идеи въ жизнь было другой великой задачей, которая была завѣщана античнымъ міромъ новымъ народамъ и которая должна была быть рѣшена путемъ новыхъ бесплодныхъ попытокъ создать всемірную монархію. Западные народы были направляемы римскими традиціями на этомъ именно пути и, такъ какъ востокъ тоже не забылъ своихъ, то и тамъ, и здѣсь мы видимъ новыя попытки сгруппировать человѣческія племена около одного центра. Всѣмъ извѣстны обширныя, безграничныя по своей тенденціи государственныя образованія средневѣковаго востока, столь же скоро возникавшія, какъ и распадавшіяся. Особенно памятливы они намъ, русскимъ, такъ какъ благодаря нашему географическому положенію мы были принуждены играть роль новыхъ македонянъ, приставленныхъ къ защитѣ новой Греціи,—Западной Европы, отъ дикихъ ордъ Азіи. На западѣ всѣ новыя государственныя образованія находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ римскихъ традицій, среди которыхъ не была забыта и идея міроваго владычества. Память о быломъ величіи Рима была

такъ жива въ сознаниі народныхъ массъ, пришедшихъ въ соприкосновеніе съ римскимъ міромъ, что здѣсь эта идея естественнымъ образомъ проявлялась въ видѣ стремленія возсоздать исчезнувшую имперію. Можно сказать, что теоретически римская имперія продолжала существовать и послѣ своего распадѣнія, тѣмъ болѣе, что восточная ея часть еще долго боролась съ теченіемъ событій, несмотря на всѣ перемѣны внутри и внѣ ея, служила какъ бы гарантіей осуществимости идеи возстановленія древней имперіи и казалась живымъ звеномъ, долженствовавшимъ связать прошедшее съ настоящимъ. Въ самомъ началѣ, когда западъ распался на множество мелкихъ государствъ, они продолжали теоретически оставаться частями единой имперіи. Теодерикъ и Хлодовехъ видѣли въ восточномъ императорѣ источникъ своей власти. Только крайняя раздробленность запада мѣшала тому, чтобы и западная часть имперіи вновь получила право имѣть свой центръ и своего императора и стать равноправной половиной римской имперіи. Уже у Теодерика замѣчаются объединительныя тенденціи, но осуществить ихъ удалось лишь Карлу Великому въ союзѣ съ новой силой, римскимъ папствомъ. Карлъ объединяетъ почти всю западную Европу, коронуется императорскою короною и выступаетъ въ качествѣ равнаго восточнымъ императорамъ. Вскорѣ послѣ смерти Карла его имперія распадается, но, въ противность тому, что было прежде, западъ продолжаетъ еще нѣкоторое время имѣть своихъ императоровъ, которые были одновременно и королями, управляли лишь своими королевствами, и, такимъ образомъ, придали императорской власти тотъ нѣсколько теоретическій характеръ, который она сохраняетъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Послѣ краткаго промежутка времени, приходящагося своей большей частию на начало X вѣка, промежутка, въ продолженіе котораго не было даже и титулярныхъ императоровъ, является новый императоръ въ лицѣ Оттона I, достаточно могущественнаго для того, чтобы возратить внутри своихъ владѣній этому титулу подобающее значеніе. Но зато владѣнія эти уже далеко не достигаютъ размѣровъ владѣній Карла Великаго. Надежда расширить ихъ до этихъ размѣровъ тѣмъ не менѣе не угасаетъ. Объединительныя тенденціи были несомнѣнно присущи нововозстановленной имперіи. Приведеніе ихъ въ исполненіе казалось лишь вопросомъ времени даже такимъ свѣтлымъ, хотя и нѣсколько книжнымъ умамъ, какимъ былъ ученый „гуманистъ X вѣка“,

Гербертъ. Послѣ нѣкотораго сопротивленія восточные императоры признали новыхъ западныхъ и породнились съ ними. Оттонъ III былъ сынъ греческой принцессы, получилъ солидное классическое образованіе, гордился тѣмъ, что былъ грекомъ по рожденію и римляниномъ по власти. Онъ казалось имѣлъ всѣ права на господство надъ древнеримскимъ міромъ. Благодаря возрождавшемуся въ X столѣтіи изученію древности (однимъ изъ главныхъ двигателей котораго былъ учитель Оттона III, Гербертъ), стали думать уже не только о вѣншемъ, территоріальномъ возстановленіи имперіи, хотѣли воскресить и самыя учрежденія, однимъ словомъ, мечтали вызвать изъ мрака временъ давно исчезнувшій порядокъ вещей. Во главѣ этого движенія стояли: самъ мечтательный юноша императоръ и его престарѣлый учитель, въ то время папа римскій, Сильвестръ II, тотъ же Гербертъ. Римъ снова былъ объявленъ столицей міра, римское право было провозглашено выше всѣхъ національныхъ правъ, появились консулы, сенаторы и т. д. Смерть обоихъ инициаторовъ движенія ускорила полнѣйшее фіаско этой книжнофантастической затѣи, и преемники Оттона III, принужденные согласоваться съ силой событій, уже не возобновляютъ болѣе его попытки. Имперія продолжаетъ тѣмъ не менѣе сохранять міровой характеръ. Западные императоры остаются теоретически свѣтскими главами западной Европы, пока, наконецъ, паденіе восточной имперіи, разрушенной турками, не дѣластъ ихъ на время единственными носителями императорскаго титула и связанныхъ съ нимъ традицій. Но это не избавило ихъ отъ ихъ давнишняго антагониста.

Дѣло въ томъ, что возстановленіе имперіи Оттономъ I не во всѣхъ частяхъ бывшей монархіи Карла Великаго встрѣтило одинаковое сочувствіе: отдѣльныя ея части не только уже давно были разединены политически, но и успѣли вступить на путь національнаго развитія. Французскіе государи считали себя единственными законными наслѣдниками Карла Великаго. Присвоеніе императорской короны нѣмецкими королями оскорбило національное чувство французовъ, или, какъ они все еще себя называли, франковъ. Фактъ этотъ объясняли себѣ къ западу отъ Рейна не иначе, какъ Божье наказаніе за грѣхи. Явились даже и пророки, которые предсказывали, что это униженіе будетъ лишь временно тяготѣть надъ французами и что, по истеченіи нѣкотораго времени, императорская корона вновь перейдетъ

къ французскимъ государямъ. Проходили вѣка, по предсказаніе это не исполнялось, и только настоящему XIX выпало на долю увидѣть императора французовъ, добывшаго себѣ этотъ титулъ съ оружіемъ въ рукахъ. Французская имперія, раздѣленная отъ того времени, когда возникла въ Римѣ императорская власть, восемнадцатую вѣками, имѣла во многихъ отношеніяхъ гораздо болѣе близкое сходство съ своимъ прототипомъ, чѣмъ всѣ средневѣковые попытки въ томъ же направленіи. Въ Римѣ императорская власть выросла на обломкахъ республиканскихъ учрежденій, которыя въ своей тогдашней формѣ оказывались уже не на высотѣ своей задачи и сдѣлались источникомъ страшныхъ внутреннихъ потрясеній въ государствѣ, не гарантируя при этомъ не только общественной свободы, но и личной безопасности. Французская революція имѣла нѣчто общее съ тѣми революціями, которыя свирѣпствовали въ римскомъ государствѣ въ эпоху, предшествовавшую эпохѣ цезарей. Она находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ классическихъ традицій, она тоже имѣла цѣлью воскресить республиканскія учрежденія древняго Рима, хотя и въ существенно измѣненной формѣ. Для довершенія сродства она воскресила и проскрипціи. Принужденная вступить на путь крайняго развитія своего военного могущества, Франція, подобно древнему Риму, была подавлена тяжестью своихъ легіоновъ и геніальной личностью новаго цезаря, стоявшаго въ ихъ главѣ. Такимъ образомъ, во Франціи совершилась смѣна трехъ режимовъ, живо напоминающая собою смѣну царской эпохи республиканскою, а этой послѣдней императорскою въ древнемъ Римѣ, но только здѣсь, во Франціи, два послѣдніе режима просуществовали лишь весьма короткое время. Въ отличіе отъ древнеримской, новая имперія наткнулась на первое серьезное препятствіе не въ Германіи, а въ Россіи, которая ее разрушила и, такимъ образомъ, спасла Европу одновременно и отъ варварскихъ нашествій, и отъ фантома древнеримской имперіи. Новая и, надо надѣяться, послѣдняя попытка объединить человѣчество на старомъ основаніи не осталась однако безъ цѣнныхъ результатовъ для его духовнаго объединенія и уже самой своей неудачностью лишній разъ свидѣтельствовала въ пользу того, что на этой именно почвѣ оно только и возможно.

Если, такимъ образомъ, стремленіе къ міровому господству, унаслѣдованное римскимъ государствомъ отъ обширныхъ монархій востока и перешедшее черезъ его посредство къ новымъ народамъ Ев-

ропы и оказалось началомъ ложнымъ, то не слѣдуетъ забывать, что то же римское государство не заимствовало съ востока, а выработало само въ себѣ тѣ великія начала духовнаго единенія, дальнѣйшая разработка и усовершенствованіе которыхъ составляли и составляютъ до сихъ поръ главное содержаніе и цѣль исторической жизни европейскихъ народовъ. Такими началами были грекоримская культура и христіанство.

Коренное отличіе грекоримской культуры отъ восточныхъ состоитъ въ томъ, что элементъ религіозный не могъ удержать въ ней за собой господствующее значеніе. Религіозные взгляды грековъ и римлянъ были такого рода, что сравнительно мало мѣшали свободной дѣятельности пытливаго человѣческаго ума. Изъ религіи у нихъ развиваются постепенно философія, литература, искусство и наука, которыя вскорѣ отдѣляются отъ своей общей матери, начинаютъ жить самостоятельно и иногда становятся ея врагами. Свѣтское право тоже мало по малу выдѣляется и отдѣляется отъ сакрального и, въ концѣ концовъ, свѣтскій элементъ получаетъ въ грекоримской культурѣ рѣшительное преобладаніе надъ религіознымъ. Сама религія становится въ зависимость отъ государства и съ его судьбой связываетъ свою собственную. Подъ вліяніемъ римскихъ завоеваній измѣняется и римская религія. Число ея боговъ увеличивается, боги слѣдуютъ повсюду за легіонами и, утративъ свое бывшее могущество, не стыдятся искать защиты подъ крылами государственнаго орла, у цезарей, которыхъ и принуждены принять въ свою среду. Государство обнаруживаетъ стремленіе стать единственнымъ содержаніемъ духовной жизни человѣка, но въ этомъ своемъ стремленіи наталкивается на слабые протесты со стороны философовъ и сильную, живую оппозицію со стороны новой религіи, являющейся представительницей противоположнаго принципа. Между государствомъ и новой религіей завязывается борьба, оканчивающаяся въ пользу послѣдней. Въ качествѣ государственной религіи христіанство становится на мѣсто языческой и вскорѣ въ союзѣ съ государствомъ празднуетъ побѣду надъ языческой философіей. Несмотря на все это, вопросъ объ отношеніи новой религіи къ пережившему древній міръ свѣтскому государству съ одной, и къ уцѣлѣвшей, несмотря на всѣ удары судьбы, свѣтской грекоримской культурѣ съ другой стороны былъ далеко не рѣшенъ. Рѣшеніе его было предоставлено будущему. На востокѣ, гдѣ, благодаря существованію византійской имперіи, культурныя традиціи

были болѣе живучими и не прерывалась преемственность свѣтской государственной власти, новое начало, распространяя свое вліяніе во всѣ стороны и приспособляя къ себѣ среду, въ которой ему приходилось дѣйствовать, само въ свою очередь должно было къ ней приспособиться. Государственный авторитетъ сохранилъ здѣсь свою самостоятельность, былъ признанъ церковью, которая не пренебрегала обращаться къ его содѣйствію въ критическія минуты и иногда испытывала на себѣ его могучее вліяніе. Здѣсь церковь жила по большей части въ союзѣ съ государствомъ, въ извѣстной отъ него зависимости. Такой *modus vivendi* между церковнымъ и свѣтскимъ авторитетомъ, выросшій на грекоримской почвѣ и составляющій прямую противоположность восточнымъ теократіямъ, перешелъ отсюда во всѣ тѣ государства, которыя получили свою вѣру изъ Византіи.

На западѣ это было не такъ. Паденіе западной римской имперіи, прервавшее преемственность императорской власти и вообще путемъ раздробленія свѣтской власти ослабившее ея престижъ, раздвинуло границы церковнаго авторитета. Идея міроваго господства, связанная съ именемъ Рима, воскресала здѣсь не только въ политической формѣ, но и въ религіозной. Рядомъ, сначала даже въ союзѣ съ воскресшей императорской властью и отчасти подъ ея сѣнью здѣсь возникъ авторитетъ римскаго папы, авторитетъ, который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ тоже воспроизведеніемъ древнеримской императорской власти, а именно ея религіозныхъ функцій. Мѣсто божественныхъ кесарей занялъ человѣкъ, объявившій себя намѣстникомъ Христа и заявившій, по примѣру своихъ предшественниковъ на римскомъ престолѣ, притязаніе соединить въ своихъ рукахъ авторитетъ духовный со свѣтскимъ. Казалось, что древній востокъ послѣ напрасныхъ усилій ассимилировать себѣ западъ при помощи міровыхъ деспотій, а потомъ посредствомъ сообщенія власти кесарей восточнаго, деспотическаго характера, обратился для достиженія своей цѣли къ гораздо болѣе опасному средству, къ утвержденію на западѣ теократіи, подобной восточнымъ. Объединеніе западной Европы подъ главенствомъ римскаго епископа шло въ продолженіе значительнаго времени гораздо удачнѣе, чѣмъ ея политическое объединеніе, и, если вначалѣ оно совершалось подъ эгидой императоровъ священной римской имперіи, то вскорѣ папы уже не нуждались въ союзѣ съ имперіей и вступили съ ней въ борьбу, не желая дѣлить съ ней міровое

5

господство. Одно время идеаль римскихъ епископовъ былъ, казалось, близокъ къ осуществленію и притомъ главнымъ образомъ при помощи духовнаго порабощенія народовъ. Потомъ, когда въ виду развитія политическихъ силъ Европы, грозившихъ въ своей борьбѣ сдвинуть основаніе папскаго престола, папы убѣдились въ необходимости утвердить свое господство еще на другомъ основаніи, они вновь съ лихорадочной энергіей занялись своими свѣтскими владѣніями въ надеждѣ занять мѣсто между европейскими государствами. Но основаніе сильнаго государства было не подсилу папству, а стоя во главѣ государства слабого, они сами поколебали свое значеніе и сошли съ своего міроваго престола. Пока они думали о политическомъ господствѣ, явился врагъ, который сталъ оспаривать у нихъ духовное владычество надъ міромъ. Этимъ врагомъ была возрождавшаяся грекоримская культура, которая, какъ новый принципъ единенія, бывший прежде не поплечу молодымъ европейскимъ народамъ, должна была замѣстить римскую теократію. Въ эпоху возрожденія грекоримскій міръ идей, до сихъ поръ напоминавшій о себѣ лишь время отъ времени, постепенно все болѣе и болѣе выступаетъ на первый планъ и становится точкой отправленія дальнѣйшаго духовнаго развитія Европы. Переворотъ во всемъ міровоззрѣніи былъ настолько великъ, что людямъ, напримѣръ, нашего времени грекъ и римлянинъ во многихъ отношеніяхъ болѣе понятны, чѣмъ средневѣковой человѣкъ. Возрожденіе классической древности было однимъ изъ необходимыхъ условий успѣшности реформаціоннаго движенія, которое охватило вскорѣ Европу и, въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства вновь отдаливъ ее отъ Азіи, сблизило съ христіанскимъ римскимъ міромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ востокомъ Европы: эпоху церковнаго государства вновь смѣнила эпоха государственной церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ философія и наука, основанныя на принципѣ свободнаго изслѣдованія вновь заняли свое старое мѣсто и перестали быть „*ancillae theologiae*“, прислужницами теологіи. Тѣмъ не менѣе вопросъ о разграниченіи сферъ вліянія науки и религіи, государства и церкви, оставленный намъ въ наслѣдство древнимъ міромъ, еще и по сей часъ не можетъ быть признанъ окончательно рѣшеннымъ.

Современная европейская цивилизація, этотъ сложный комплексъ идей и учрежденій, которымъ справедливо гордится Европа, была бы невозможна, если бы въ началѣ исторіи новыхъ народовъ Европы не

стояла римская исторія. Правда, что и новые народы внесли въ нее не мало элементовъ, являющихся результатомъ ихъ самостоятельной жизни, но не слѣдуетъ забывать, что они стали испытывать на себѣ вліяніе классическаго міра гораздо раньше, чѣмъ началась ихъ самостоятельная историческая жизнь, что вліяніе это не прекращалось даже и послѣ паденія римской имперіи, сдѣлавшаго возможною ихъ самостоятельную жизнь, что, наконецъ, эпоха возрожденія была въ сущности лишь эпохой усиленія прежняго вліянія классическаго міра на міръ новый, которое опять таки сдѣлалось возможнымъ только потому, что воспитанные на обломкахъ древней культуры народы доросли до того, что могли обнять ее всю въ совокупности и усвоить себѣ ея внутреннее содержаніе.

Въ дѣлѣ сохраненія и развитія грекоримской цивилизаціи весьма важными моментами были три слѣдующихъ обстоятельства: во первыхъ, народы, основавшіеся на территоріи западной римской имперіи были близкими родичами римлянъ и грековъ; во вторыхъ, они до своего столкновенія съ античнымъ міромъ не были вовлечены въ кругъ какой нибудь иной цивилизаціи, основанной на другихъ принципахъ; наконецъ, въ третьихъ они не были кочевниками-завоевателями, которые бы налетѣли на имперію сразу, какъ напримѣръ, гунны, и успѣли бы ее разрушить ранѣе, чѣмъ сами подверглись бы ея цивилизирующему вліянію. Какое важное значеніе имѣли для дальнейшей исторіи Европы эти три обстоятельства, ясно показываетъ судьба восточной половины римской имперіи. Съ сѣвера ее тѣснили славянскіе народы, изъ которыхъ нѣкоторые утвердились на ея территоріи. Побѣдоносныя, но нестройныя толпы славянъ подчинились, однако, довольно скоро культурному вліянію Византіи и сдѣлались способными къ основанію обширныхъ государствъ, которыя, казалось, были въ той же мѣрѣ призваны къ развитію и распространенію усвоенныхъ ими культурныхъ началъ, какъ и западныя государства. Но этому помѣшали вторженія восточныхъ народовъ. Вторженія эти не были похожи на вторженія съ сѣвера: они были, во первыхъ, болѣе стремительными и быстрыми, во вторыхъ, были производимы народами, которые принадлежали или къ другимъ расамъ, или находились въ очень отдаленной степени родства съ греками и римлянами, и къ тому же были вовлечены въ сферу иныхъ цивилизацій. Вотъ почему здѣсь каждая территоріальная потеря со стороны Византіи

была вмѣстѣ съ тѣмъ и потерей со стороны грекоримской цивилизаціи. Одни только арабы подпали до извѣстной степени влиянію этой цивилизаціи, усвоивъ себѣ ея формальную, чисто научную сторону, но были современемъ смѣнены турками, которые, занявъ все пространство византійской имперіи, отбросили границы европейской культуры далеко на западъ.

Культурная миссія новыхъ европейскихъ народовъ состояла въ сохраненіи, умноженіи, защитѣ и дальнѣйшемъ распространеніи богатаго духовнаго наслѣдія, оставленнаго имъ классическимъ міромъ. Эту миссію они съ успѣхомъ выполнили. Задача была далеко не изъ легкихъ и оказалась возможной, можетъ быть, только вслѣдствіе раздѣленія труда. Хотя и народамъ центральной Европы приходилось напрягать свои силы на защиту культурнаго наслѣдія древняго міра, однако все-же болѣе всѣхъ пришлось на это потратить силъ на западѣ испанцамъ, а на востокѣ русскимъ. Продолжая дѣло, начатое еще Карломъ Мартелломъ, испанцы шагъ за шагомъ тѣснили мавровъ обратно въ Африку, пока, наконецъ, совсѣмъ не избавили Европу отъ угрожавшей ей съ юго-запада опасности, которая, впрочемъ, никогда не равнялась опасности, грозившей ей съ востока. Море, отдѣляющее Европу отъ Африки, лишало вторженіе съ этой стороны той энергіи и прочности, которые были свойственны нашествіямъ съ востока, гдѣ обширныя степи выбрасывали на Европу все новыя и новыя толпы завоевателей, принадлежащихъ къ иной расѣ. Борьба съ ними выпала почти исключительно на долю Россіи, которая вышла изъ нея побѣдительницей. Она не только отразила всѣ нападенія съ востока, но, въ концѣ концовъ, завоевала и вовлекла въ сферу европейской цивилизаціи тѣ самые народы, которые были для нея постоянной угрозой. Она же, сокрушивъ силу оттоманской имперіи, нанесла рѣшительный ударъ мусульманскому міру. Защищенная съ востока, западная Европа могла съ успѣхомъ отдаться дѣлу дальнѣйшаго развитія грекоримской цивилизаціи и потомъ доставить ей безъ особенныхъ усилій торжество въ другихъ частяхъ свѣта. Такимъ образомъ, при помощи своихъ эпигоновъ Римъ достигъ міроваго господства въ болѣе полномъ смыслѣ слова, чѣмъ въ дни своего политическаго могущества, и въ настоящее время, кромѣ развѣ Китая, врядъ-ли имѣетъ себѣ серьезнаго противника.

Итакъ, исторія Рима есть, если можно позволить себѣ образное выраженіе, узелъ всемірной исторіи. Всѣ историческія нити древняго міра сошлись въ Римѣ и изъ него же тянутся всѣ жизненные нервы новаго міра, для сознательнаго изученія исторіи котораго поэтому необходимо изучить предварительно исторію Рима.
